

ПРОЛОГ

Никто не начинает войну —
или, скорее, никто в здравом
уме не должен делать этого, —
сперва не определив для себя
со всей ясностью, чего он
хочет достичь этой войной
и как намерен ее вести.

К. фон Клаузевиц. О войне

Мое первое воспоминание: в три года я пытаюсь убить свою сестру. Иногда это помнится так ясно, что я ощущаю, как чешутся руки от шершавой наволочки, а в ладонь упирается острый нос. Справиться со мной у нее не было никаких шансов, кто бы сомневался, но это не сработало. Мимо, собираясь ложиться спать, проходил отец и спас бедняжку. Он вернул меня в кроватку и сказал: «Этого не было».

Мы росли, и казалось, отдельно от нее меня просто не существует. Я смотрела, как она спит у противоположной стены — наши постели соединяла длинная тень, а я просчитывала варианты. Яд, подсыпанный в кашу. Подводное течение, утягивающее в глубину с пляжа. Удар молнии.

В конце концов не я убила свою сестру. Она сделала это сама.

По крайней мере, я так говорю себе.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Братишка, я — огонь,
Ревущий под дном океана.
Лучше б мы не встречались, братишка.
Много лет, ни поздно ни рано;
Может, тысячу лет, братишка.
Тогда я тебя согрел бы,
Прижимал к себе и кружил,
Настраивал, как мне нужно, —
Может, тысячу лет, братишка.

К. Сэндберг. Родство

Анна

В детстве самой большой загадкой для меня было не как делают детей, а зачем. Механику я понимала — меня просветил старший братец Джесс, хотя в тот момент я решила, что половину всего он усвоил неправильно. Другие дети моего возраста с интересом разыскивали в школьных словарях слова «пенис» и «вагина», когда учительница поворачивалась спиной к классу, но меня занимало другое. Например, почему у некоторых матерей всего один ребенок, тогда как у других число отпрысков увеличивается буквально на глазах. Или зачем новенькая в нашем классе девочка Седона сообщала всем, кто готов был слушать, что она названа в честь того места, где родители проводили отпуск и заделали ее. «Хорошо еще, что они не остановились в Джерси-Сити»¹, — комментировал мой отец.

Теперь мне тринадцать, и разбираться в этих вещах стало еще труднее: одна восьмиклассница бросила школу, потому что «попала в беду»; соседка забеременела, надеясь удержать мужа, чтобы тот не подавал на развод. Говорю вам, если бы сегодня на Землю высадились инопланетяне и задались вопросом: «Почему у землян рож-

¹ Помимо того, что Джерси — это округ в штате Иллинойс (США), образованный в 1839 г. и населенный переселенцами из штата Нью-Джерси, названного по острову Джерси в составе Нормандских островов, джерси — это еще и одна из самых старых пород жирномолочных коров, и шерстяная ткань, которую изготавливали изначально на острове Джерси и использовали для изготовления нижнего белья. — *Здесь и далее примеч. перев.*

даются дети?», они пришли бы к заключению, что у большинства людей потомство появляется случайно — то ли однажды вечером эти недоумки перебрали с выпивкой, то ли средства для контрацепции не дали стопроцентного результата. Подобным «случайностям» может найтись сотня других объяснений, и ни одно из них не будет слишком лестным.

С другой стороны, сама я была рождена по совершенно особой причине. Я появилась на свет не после выпитой бутылки дешевого вина, не из-за полной луны или горячки момента. Я родилась потому, что какой-то ученый умудрился поймать яйцеклетку моей матери и слить ее со сперматозоидом отца, чтобы создать особую комбинацию драгоценного генетического материала. Вообще-то, когда Джесс рассказал мне, как делают детей, и я, мало чему верившая, решила прояснить этот вопрос у родителей, то получила гораздо больше того, на что рассчитывала. Они усадили меня и, само собой, сообщили всякие вполне обычные вещи, но, кроме того, объяснили, что выбрали маленькую эмбрионную меня, в частности, потому, что я могла спасти свою сестру Кейт. «Мы любили тебя еще сильнее, — не забыла добавить мама, — поскольку знали, какое сокровище получаем».

Это заставило меня призадуматься: а как пошли бы дела, если бы Кейт была здорова? Есть вероятность, что я до сих пор парила бы в Небесах или где-то там еще и ждала, пока меня соединят с каким-нибудь телом, чтобы провести некоторое время на Земле. Определенно, я не вошла бы в эту семью. Видите, в отличие от остальной части свободного мира, я попала сюда неслучайно. А если родители завели вас по какой-то причине, то пусть лучше эта причина существует и дальше. Иначе, как только ее не станет, то же произойдет и с вами.

Осмелюсь высказать свое мнение, хотя вам и не до него: в ломбардах полно всякого хлама, но это прекрасное место, где рождаются истории. Что, например, заста-

вило человека сдать сюда ни разу не надеванную подвеску с бриллиантом? Кому так нужны деньги, что он решился продать одноглазого плюшевого медвежонка? По пути к прилавку я думаю, задастся ли кто-нибудь подобным вопросом, увидев медальон, с которым я собираюсь расстаться.

У мужика за кассой нос как репа и глаза запали глубоко-глубоко, представить невозможно, что он в состоянии справиться со своим делом.

— Тебе чего? — спрашивает он.

Как же меня тянет развернуться и сбежать отсюда. Можно, конечно, притвориться, что зашла по ошибке. На месте удерживает только одно: сознание, что я не первая, кто стоит у этого прилавка и сжимает в руке единственную на свете вещь, которую никому и ни за что не хотелось бы отдавать.

— У меня есть кое-что на продажу, — говорю я ему.

— Мне самому догадаться, что это?

— Ох! — Сглотнув, я вытаскиваю из кармана джинсов медальон, и сердечко падает на стеклянную стойку, его окружает лужица из цепочки. — Четырнадцатикаратное золото, — набиваю я цену. — Почти новый.

Это ложь; до сегодняшнего утра я не снимала медальон в течение семи лет. Отец дал его мне после забора костного мозга и сказал, что тот, кто делает своей сестре такой значительный подарок, должен получить что-нибудь взамен. Мне тогда было шесть. Я гляжу на свое украшение и чувствую холод — шея оголилась.

Продавец вставляет в глаз лупу, отчего тот кажется почти нормальным по размеру.

— Даю двадцать.

— Долларов?

— Нет, песо. Что думаешь?

— Она стоит в пять раз больше! — наугад говорю я.

— Не мне же нужны деньги, — пожимает плечами торгош.

Я беру медальон, покорившись необходимости заключить невыгодную сделку, и — вот странность! — рука сжимается, как «челюсти жизни»¹. Лицо у меня краснеет от натуги, пока я пытаюсь отодрать пальцы от подвески. Кажется, проходит целый час, прежде чем сердечко с цепочкой падают в протянутую ладонь репоносого. Он смотрит на меня, и глаза его теплеют.

— Скажи, что потеряла ее, — дает он мне напоследок бесплатный совет.

Если бы мистер Уэбстер решил включить в свой словарь слово «фрик», Анна Фицджеральд была бы лучшим определением, которое он мог бы ему дать. Дело не только в том, как я выгляжу: тощая, как беженка, о грудях и говорить не приходится, волосы цвета грязи, на щеках веснушки, как в задании «соедини точки», и они, позвольте вам сказать, не блекнут ни от лимонного сока, ни от лосьонов против солнца, ни даже — печально, но факт — от наждачной бумаги. Нет, Господь в день моего рождения явно пребывал в каком-то особом настроении, потому что к этой сказочной комбинации физических черт добавил более широкую картину — семью, в которой я появилась на свет.

Родители пытались сделать так, чтобы жизнь шла нормально, но все относительно. Дело в том, что я никогда не была ребенком. По правде говоря, ни Кейт, ни Джесс тоже не были. Думаю, мой брат имел возможность наслаждаться солнечными денечками лет до четырех, пока Кейт не поставили диагноз, но с тех пор мы, беспрестанно оглядываясь через плечо, сломя голову неслись к взрослению. Знаете, многие дети представляют себя героями мультфильмов — думают, если им на голову упа-

¹ «Челюсти жизни» — гидравлический инструмент, используемый для извлечения жертв аварий из транспортных средств; по виду отдаленно напоминает клещи.

дет гигантский молот, они отлепятя от асфальта и побегут дальше. Ну, я-то никогда в такое не верила. С чего бы мне верить, когда мы чуть не каждый день сажали Смерть за свой обеденный стол?

У Кейт острый промиелоцитарный лейкоз (ОПЛ). Вообще, это не совсем правда — прямо сейчас его у нее нет, он, как медведь, впал в спячку под ее кожей и дремлет, пока не решит вновь издать грозный рык. Диагноз Кейт поставили в два года; теперь ей шестнадцать. «Молекулярный рецидив», «гранулоцит» и «катетер» — слова из моего лексикона, хотя они не встречались ни в одном школьном проверочном тесте. Я аллогенный донор — прекрасный экземпляр для родной сестры. Когда Кейт нужны лейкоциты, или стволовые клетки, или костный мозг, чтобы создать иллюзию здоровья у ее тела, я снабжаю сестру необходимым. Почти каждый раз, как Кейт отвозят в больницу, я оказываюсь там же.

Все это ровным счетом ничего не значит, только вы не верьте тому, что услышите обо мне, и меньше всего доверяйте тому, что скажу вам я сама.

Я поднимаюсь по лестнице, а из комнаты наверху выходит мама в очередном вечернем платье.

— Ах! — произносит она и поворачивается ко мне спиной. — Вот как раз девочка, которая мне нужна.

Застегиваю молнию и смотрю, как мама кружится. Она могла бы быть красавицей, если бы спустилась на парашюте в какую-нибудь другую жизнь. У нее длинные темные волосы и нежные ключицы, как у принцессы, но уголки рта всегда опущены вниз, будто она проглотила и усваивает какую-то плохую новость. Свободного времени у нее мало, ведь планы могут круто измениться, если у моей сестры вдруг появится синяк или потечет кровь из носа, но имеющееся она проводит на *Bluefly.com* — заказывает экстравагантные вечерние платья для дворцовых приемов, на которых никогда не побывает.

— Как тебе? — спрашивает мама.

Платье переливается всеми красками заката и сделано из ткани, которая шуршит при движении. Оно без бретелек, такое могла бы надеть кинозвезда, чтобы пройтись, качая бедрами, по красной ковровой дорожке. Полное противоречие дресс-коду загородного дома в Верхнем Дерби, Род-Айленд. Мама скручивает волосы в узел и держит их рукой. На кровати лежат еще три платья: черное в обтяжку, в бусинах из стекляруса и одно на вид невероятно маленькое.

— Ты выглядишь...

Усталой. Слово пузырится у меня на губах.

Мама замирает, и я пугаюсь: неужели произнесла его невзначай? Она делает рукой знак, чтобы я замолчала, и направляет чуткое ухо в сторону двери.

— Ты слышала?

— Что?

— Кейт.

— Ничего я не слышала.

Но мама пропускает мое замечание, потому что, когда речь идет о Кейт, она никого не воспринимает. Решительным шагом поднимается по лестнице и открывает дверь в нашу спальню. Там моя сестра бьется в истерику на кровати, и тут мир снова рушится. Мой отец, кабинетный астроном, пытался объяснить мне, что такое черные дыры, какие они тяжелые и как им удастся затянуть в себя все, даже свет, прямо в центр. В такие моменты, как сейчас, возникает похожий вакуум. Не важно, за что ты цепляешься, тебя все равно засосет туда.

— Кейт! — Мама опускается на пол, дурацкая юбка облаком взвивается вокруг нее. — Кейт, дорогая, что болит?

Сестра прижимает к животу подушку, по ее лицу рекой текут слезы. Мокрые пряди светлых волос прилипли к лицу; она тяжело дышит. Я замираю на пороге в ожидании инструкций: «*Позвони папе. Набери 911. Свяжись с доктором Чансом*». Мама вытрясает из Кейт объяснение.

— Престон, — всхлипывая, бормочет та. — Он расстался с Сереной навсегда-а.

Только тут мы замечаем телевизор. На экране красавчик-блондин с тоской глядит на женщину, плачущую почти так же горько, как моя сестрица, а потом хлопает дверью.

— Но что у тебя болит? — не унимается мама, полагая, что причина рёва должна быть более серьезной.

— О боже мой! — сопя носом, изрекает Кейт. — Ты хоть представляешь, что пережили вместе Серена и Престон? А?

Кулак внутри меня разжимается, я понимаю, что все в порядке. Норма в нашем доме — нечто вроде слишком короткого одеяла: иногда оно накрывает тебя как надо, а в следующий раз ты трясешься под ним от холода, но хуже всего то, что ты никогда не знаешь, какое из двух состояний наступит. Я присаживаюсь на край кровати Кейт. Хотя мне всего тринадцать, я выше сестры, и люди то и дело принимают меня за старшую. Нынешним летом Каллахану, Уайатту и Лиаму, главным героям этой мыльной оперы, временами приходилось несладко. Теперь, похоже, настала очередь Престона.

— У них хотели похитить ребенка, — вступаю в разговор я.

Вообще-то, я следила за сюжетом. Кейт просила меня записывать пропущенные серии, когда ее забирали на диализ.

— И еще она чуть не вышла замуж за его брата-близнеца, — добавляет сестра.

— Не забудь, как он погиб при столкновении лодок. Его не было два месяца, — включается в беседу мама, и я вспоминаю, что она тоже смотрела этот сериал, сидя с Кейт в больнице.

Тут Кейт замечает мамино платье:

— Что это на тебе надето?

— О! Я собираюсь его вернуть.

Она встает передо мной, чтобы я расстегнула молнию. Лихорадочные заказы товаров по почте для любой другой матери стали бы тревожным звоночком: пора обратиться за помощью! В случае с моей мамой такие заказы можно расценивать как здоровую передышку. Интересно, что ее так привлекает в этом процессе: возможность ненадолго надеть на себя чужую кожу или отослать назад обстоятельства, которые ей просто не подходят? Мама пристально смотрит на Кейт:

— Точно ничего не болит?

Когда она уходит, Кейт немного сникает. Иначе не описать, как краска сходит с ее лица, а сама она будто растворяется в подушке. По мере прогрессирования болезни моя сестра вся как-то блекнет, и я начинаю опасаться, что однажды проснусь и не смогу разглядеть ее.

— Подвинься! — приказывает Кейт. — Ты закрываешь экран.

Я пересаживаюсь на свою кровать:

— Там показывают анонсы.

— Ну, если я умру сегодня вечером, то хочу знать, что пропущу.

Я взбиваю подушки. Кейт, как обычно, поменяла их и забрала себе все мягкие, которые не сваливаются комками и не вызывают ощущения, что у тебя под шеей камни. Она считает себя вправе поступать так, потому что на три года старше меня, или потому что больна, или потому что Луна вошла в созвездие Водолея, — причина найдется всегда. Я прищуриваюсь, глядя в телевизор. Хотелось бы мне поцеловать каналы, но шансов нет, дело ясное.

— Этот твой Престон какой-то пластиковый.

— Тогда почему прошлой ночью я слышала, как ты шептала в подушку его имя?

— Заткнись! — говорю я.

— Сама заткнись! — Кейт улыбается. — Хотя он, вероятно, гей. Все напрасно, учитывая, что сестры Фицджеральд... — Она морщится и замолкает, не договорив.

Я перекатываюсь на бок:

— Кейт?

Она трет поясницу:

— Да ничего.

Это почки.

— Сходить за мамой?

— Пока не надо. — Она протягивает руку между нашими кроватями, которые стоят достаточно близко, чтобы мы могли прикоснуться друг к другу, если обе захотим. Я тоже тянусь к ней. В детстве мы делали этот мост и проверяли, сколько Барби сможем на нем удержать.

Потом мне снились кошмары, будто меня разрезали на мелкие кусочки и обратно было никак не собрать, какая-нибудь часть терялась.

Отец говорит, что огонь сам угаснет, если не открывать окон и не добавлять топлива. Полагаю, именно этим я и занимаюсь, если разобраться. Папа еще говорит, когда языки пламени лижут тебе пятки, придется проломить стену, и даже не одну, если хочешь спастись. Так вот, когда Кейт засыпает, приняв лекарство, я вытаскиваю из-под матраса кожаную папку и уединяюсь в ванной. Знаю, Кейт за мной шпионит, — я зажала зубцами молнии красную нитку, чтобы узнать, роется ли кто-нибудь в моих вещах без разрешения, однако, хотя нитка оказалась порванной, внутри все цело. Пускаю в ванну воду, чтобы звук был такой, будто я заперлась здесь не без цели, сажусь на пол и считаю.

Если добавить двадцатку из ломбарда, у меня накопилось сто тридцать шесть долларов и восемьдесят семь центов. Этого недостаточно, но как-нибудь управлюсь. У Джесса тоже не было двух тысяч девятисот, когда он купил свой раздолбанный джип, ему выдали какой-то кредит в банке. Конечно, родители должны будут подписать бумаги, а я сомневаюсь, что они охотно сделают это ради меня, учитывая обстоятельства. Вторично пере-

считываю деньги, вдруг купюры чудесным образом размножились, но математика точна и скупа — общая сумма остается неизменной. А потом я читаю газетные вырезки.

Кэмпбелл Александер. По-моему, очень глупое имя. Звучит как название дорогого коктейля в баре или какой-нибудь брокерской фирмы. Однако послужной список этого человека впечатляет.

Чтобы попасть в комнату к брату, нужно выйти из дома, что ему очень нравится. Когда Джессу исполнилось шестнадцать, он перебрался на чердак над гаражом и прекрасно там устроился. Ему не хотелось, чтобы родители видели, чем он занимается, да они и сами не хотели на это смотреть. Ведущую наверх лестницу загораживают четыре зимние шины, невысокая стенка из картонных коробок и перевернутый набор дубовый стол. Иногда я думаю, Джесс специально выстроил эту преграду, чтобы до него труднее было добраться.

Перелезаю через этот завал и взбираюсь по лестнице, которая вибрирует от басов стереосистемы. Минут пять уходит на то, чтобы достучаться.

— Что? — рявкает Джесс, приоткрыв дверь.

— Можно войти?

После недолгого раздумья он отступает назад и впускает меня. В комнате — море грязной одежды, журналов и картонок от китайской еды навынос; пахнет, как от пропитанного потом хоккейного конька. Единственное опрятное место — это полка, где Джесс держит свою коллекцию: серебряная эмблема «ягуара», символ «мерседеса», конь «мустанга» — украшения с капотов машин, которые, по его словам, он просто нашел, когда гулял, но я не настолько глупа, чтобы ему верить.

Не поймите меня неправильно — дело не в том, что мои родители не интересуются жизнью Джесса и тем, в какие неприятности он может вляпаться. У них просто не хватает времени вникать, ведь эта проблема вырезана где-то ниже на тотемном столбе.

Джесс, не обращая на меня внимания, возвращается к прерванному занятию и уходит в дальний конец своего хламовника. Я замечаю тиховарку, которая исчезла с кухни несколько месяцев назад. Теперь она стоит на телевизоре Джесса, в крышку вставлена медная трубочка, которая продета сквозь наполненную льдом пластиковую бутылку от молока, из нее в стеклянную банку с жестяной крышкой и отверстием для соломинки капает какая-то жидкость. Джесс, может, и балансирует на границе преступного мира, но он великолепен. Я собираюсь потрогать эту затейливую конструкцию, но брат резко разворачивается и с криком:

— Эй! — прямо-таки перелетает через диван, чтобы отбить в сторону мою руку. — Змеевик испортишь.

— Это то, о чем я думаю?

По лицу брата расплзается гаденькая ухмылка.

— Зависит от того, что ты думаешь. — Он отсоединяет от устройства банку, теперь жидкость капает на пол. — Попробуй.

Для самогонного аппарата, сделанного с помощью слюны и клея, эта штука выдает довольно крепкий виски. Адское пойло обжигает желудок и ударяет по ногам, так что я падаю на диван, выдыхая:

— Ну и гадость!

Джесс хохочет и тоже делает глоток, в него эта отравка вливается легче.

— Так чего тебе от меня нужно?

— Откуда ты знаешь, что мне что-то нужно?

— Никто не приходит сюда со светскими визитами, — отвечает он, садясь на подлокотник дивана. — А если бы дело касалось Кейт, ты бы уже сказала.

— Это имеет отношение к Кейт. В своем роде. — Я вкладываю в руку брата газетные вырезки.

Они объяснят ему все лучше меня. Джесс проглядывает их, потом смотрит мне в глаза. У него глаза светло-светло-серебристые, это так удивительно, что иногда, ко-

гда встречаешься с ним взглядом, можно совершенно забыть, о чем хотела сказать.

— Анна, не нарушай работу системы, — с досадой произносит Джесс. — Мы все выучили свои роли наизусть. Кейт играет Мученицу, я — Безнадежный Случай, а ты, ты — Миротворицу.

Он думает, что знает меня, но про себя я могу сообщить то же, и когда наши мнения расходятся, Джесс не отступится. Я смотрю на него в упор:

— Кто это сказал?

Джесс соглашается подождать меня на парковке. Это один из немногих случаев на моей памяти, когда он делает то, о чем я прошу его. Обхожу здание и оказываюсь у входа, который охраняют две горгульи.

Офис Кэмпбелла Александра, эсквайра, находится на третьем этаже. Стены отделаны деревянными панелями цвета шкуры гнедой кобылицы, а когда я ступаю на толстый восточный ковер, ноги утопают в нем на дюйм. Секретарша обута в туфли, такие сверкающие, что я могу разглядеть в них свое отражение. Смотрю на свои обрезанные шорты и кеды, которым я на прошлой неделе от скуки сделала татуировку фломастером.

У секретарши идеальная кожа, идеальные брови и медовые губы, которые она использует, чтобы орать на кого-то по телефону.

— С чего вы взяли, что я скажу это судьбе. То, что вы не хотите слушать вопли Клемана, не означает, что я должна... нет, вообще-то, это повышение оплаты связано с исключительностью работы, которую я выполняю, и с тем дерьмом, которое я разгребаю изо дня в день, и на самом деле, пока мы... — Она отнимает телефон от уха, мне удается расслышать гудки — связь оборвалась. — Скотина! — бурчит секретарша и только тут замечает меня. — Что вам нужно?

Женщина окидывает меня взглядом с головы до ног, оценивает по шкале первого впечатления и заключает,

что мой рейтинг крайне низок. Я приподнимаю подбородок и изображаю из себя крутую девчонку, хотя мне до этого далеко.

— У меня назначена встреча с мистером Александром. В четыре часа.

— Ваш голос, — говорит она. — По телефону мне не показалось, что вы так...

Юны?

Она неловко улыбается:

— Мы не занимаемся делами подростков, как правило. Если хотите, я могу дать вам контакты других практикующих адвокатов, которые...

Я делаю глубокий вдох.

— Вообще-то, — перебиваю ее, — вы ошибаетесь. Смит против Уэйтли, Эдмундс против Женской и детской больницы и Джером против Епархии Провиденса — все эти процессы включали в себя участников моложе восемнадцати лет. Все эти дела закончились вынесением вердиктов в пользу клиентов мистера Александра. И это только за три последних года.

Секретарша моргает. Потом ее лицо медленно озаряется улыбкой, будто она в конце концов решила, что я ей нравлюсь.

— А впрочем, почему бы вам не подождать в его кабинете? — предлагает она и встает, чтобы отвести меня туда.

Даже если весь остаток дней до последней минуты я проведу за чтением, все равно сомневаюсь, что мне удастся поглотить то количество книг, которые расставлены на разной высоте по стенам кабинета мистера Кэмпбелла Александра, эсквайра. Я прикидываю в уме: если на каждой странице примерно четыреста слов, а в каждой из этих книг с законами четыреста страниц, на каждой полке их двадцать, а в каждом шкафу шесть полок — ого, получается больше девятнадцати миллионов слов, и это только часть комнаты.

Я сижу в кабинете одна достаточно долго, чтобы заметить: на столе у хозяина такая чистота, что можно играть в китайский футбол¹; нет ни одной фотографии — ни жены, ни детей, ни самого мистера Александера; и хотя комната безупречна, на полу почему-то стоит миска с водой.

Невольно принимаюсь искать объяснения: это бассейн для армии муравьев или что-то вроде примитивного увлажнителя воздуха? А может, мираж?

Почти убедив себя в правильности последнего, я нагибаюсь, чтобы потрогать сосуд-призрак и проверить, настоящий он или нет, но тут дверь распахивается. Я чуть не падаю со стула и оказываюсь нос к носу с входящей в комнату немецкой овчаркой, которая пронзает меня взглядом, подходит к миске и начинает лакать из нее.

Кэмпбелл Александер тоже входит. У него черные волосы, а ростом он не ниже моего отца — шесть футов, прямоугольная челюсть и как будто заледеневшие глаза. Он скидывает пиджак и аккуратно вешает его на дверь с внутренней стороны, потом, прежде чем двинуться к столу, вытаскивает из шкафа папку.

— Мне не нужно печенье от девочек-скаутов, — говорит Кэмпбелл Александер. — Хотя ты получишь шоколадный кекс за стойкость. Ха! — Он смеется собственной шутке.

— Я ничего не продаю.

Хозяин кабинета с любопытством смотрит на меня, потом нажимает кнопку на телефоне.

— Керри, что это делает в моем кабинете? — спрашивает он, когда секретарша отвечает.

— Я здесь, чтобы нанять вас.

¹ *Китайский футбол, или бумажный футбол*, — настольная игра; сложенный из бумаги уголок нужно щелчком пальцев забить в ворота, которые противник складывает из пальцев рук, соединив большие и выставив вверх указательные.

Адвокат отпускает кнопку громкой связи:

— Я так не думаю.

— Вы даже не знаете, в чем мое дело.

Я делаю шаг вперед, собака тоже. Только сейчас я замечаю, что на ней надета жилетка с красным крестом, как у сенбернаров, которые носили бочонки с ромом по заснеженным горам. Автоматически протягиваю руку, чтобы погладить пса.

— Не надо, — останавливает меня мистер Александер. — Джадж¹ — служебная собака.

Я опускаю руку:

— Но вы не слепой.

— Спасибо, что напомнила.

— Тогда что с вами?

Сказав это, тут же жалею. Но слово не воротишь. Разве я не слышала сотни раз, как бестактные люди задают тот же вопрос Кейт?

— У меня железное легкое, — вежливо отвечает Кэмпбелл Александер, — и собака оберегает меня, чтобы я не приближался к магнитам. А теперь, если ты окажешь мне честь и покинешь кабинет, моя секретарша подскажет тебе имя того, кто...

Но я пока не могу уйти.

— Вы и правда предьявляете иски Богу? — Я вытаскиваю газетные вырезки — все, что есть, — и расправляю их на пустом столе.

На щеке у адвоката дергается мускул, а потом он берет лежащую сверху статью.

— Я подавал в суд на диоцез Провиденса от лица одного ребенка из их сиротского дома, который нуждался в специальном лечении с применением эмбриональной ткани, а они считали такую терапию противоречащей решениям Второго Ватиканского собора. Тем не менее в газетном заголовке гораздо лучше написать, что девя-

¹ Кличка пса Джадж (*англ.* Judge) в переводе означает Судья.

АНГЕЛ ДЛЯ СЕСТРЫ

тилетний мальчик возбуждает процесс против Бога за то, что ему в жизни довелось вытянуть короткую спичку. — (Я молча смотрю на него.) — Дилан Джером, — добавляет адвокат, — хотел привлечь Бога к суду за то, что тот мало его любит.

Тут молния могла бы ударить в центр большого стола из красного дерева.

— Мистер Александер, — говорю я, — у моей сестры лейкемия.

— Очень грустно слышать это. Но даже если бы я снова захотел привлечь к ответственности Бога, а я этого делать не хочу, ты не можешь возбудить дело от имени и в интересах другого человека.

Так много всего нужно ему объяснить: как моя кровь по капле втекает в вены сестры; как медсестры укладывают меня на кушетку, чтобы проткнуть иглой и взять лейкоциты, которые пригодятся Кейт; как доктор говорит, что им не удалось с первого раза набрать сколько нужно. Синяки и боль глубоко в костях после того, как я отдаю свой костный мозг; уколы, от которых у меня должно стать больше стволовых клеток, чтобы хватило моей сестре. Тот факт, что я не болею, но как будто больна. Тот факт, что меня родили по одной-единственной причине: чтобы я была донором для сестры. Тот факт, что даже сейчас, когда принимается важнейшее решение относительно меня, никто не подумал спросить мнение человека, который больше всего заслуживает, чтобы его выслушали.

Слишком много всего нужно объяснять, а потому я стараюсь выразиться как можно короче и говорю:

— Нет, дело не в Боге, а в моих родителях. Я хочу привлечь их к суду за то, что они распоряжаются моим телом как хотят.